

УДК 81'276.6:34

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО СТАТУСА «ЯЗЫКА ВРАЖДЫ»¹

канд. филол. наук, доц. Е.Н. ВАСИЛЕНКО
(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)
e.n.vasilenko@gmail.com

Обосновывается необходимость изучения «языка вражды» с точки зрения правоведения, предлагается определение термина «язык вражды», рассматриваются лингвистические особенности его правового статуса на материале нормативных правовых актов Республики Беларусь, Латвийской Республики, Литовской Республики, Российской Федерации, Республики Польша, Украины, Федеративной Республики Германия и Соединенных Штатов Америки. В ходе анализа конституций, уголовных кодексов и других законодательных документов упомянутых стран выделяются квалифицирующие смысловые доминанты, непосредственно связанные с вербализацией или иной манифестацией враждебности – «вражда», «рознь», «ненависть», «нетерпимость» и «дискриминация», и языковые элементы, называющие конкретные действия, характеризующие выделенные смысловые доминанты или связанные с проявлением враждебности прямо или косвенно. Устанавливаются атрибутивные языковые элементы, определяющие данные смысловые доминанты, а также доминанту «равенство».

Ключевые слова: «язык вражды», правовой статус «языка вражды», враждебность, смысловая доминанта, нормативный правовой акт.

Введение. В современной коммуникации, значительно опосредованной средствами массовой информации, количество негативных высказываний постоянно увеличивается, «особенно в тех случаях, когда вопросы о базовых нормах и ценностях обсуждаются субъектами с разными убеждениями и мировоззренческими позициями» [1, с. 800]. Возросший интерес исследователей к данному явлению обусловлен тем, что использование элементов вербализации коммуникативно-прагматической категории враждебности несет в себе значительную социальную и политическую опасность, так как может быть формой проявления того или иного вида дискриминации или нетерпимости: расизма, ксенофобии, гомофобии, сексизма и пр.

В связи с этим в ряде политических документов представлено определение «языка вражды» (англ. *hate speech*; вопрос о корректном переводе и формулировке термина заслуживает отдельного рассмотрения (подробнее см. [2]) и не затрагивается в данной статье). Например, согласно Общеполитической рекомендации Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью № 15 «О борьбе с языком ненависти» от 8 декабря 2015 г., «язык ненависти следует понимать как защиту, поощрение или подстрекательство, в любой форме, к унижению, вражде или поношению какого-либо лица или группы лиц, а также как любое проявление притеснений, оскорблений, создания негативных стереотипов, стигматизации или угроз в отношении такого лица или лиц и любое оправдание всех перечисленных форм выражения по признаку расы, происхождения, национальной или этнической принадлежности, возраста, инвалидности, языка, религии или убеждений, пола, гендера, гендерной идентичности, сексуальной ориентации и других личных характеристик или статуса» [3, с. 5].

Не вызывает сомнений, что на сегодняшний день «язык вражды» представляет собой серьезную проблему. Несмотря на то, что непосредственной целью данного инструмента манипуляции может быть отдельный человек или небольшая группа людей, вред, нанесенный «языком вражды», может распространяться на целые этносы, народности, расы, религиозные и другие сообщества и т.д. и, как следствие, быть причиной как внутренних, так и международных конфликтов. Из этого следует, что изучение «языка вражды» должно попадать в сферу интересов правоведения, однако данный термин является относительно новым и не закреплен в нормативных правовых документах большинства стран. При этом важно, что публичное использование элементов «языка вражды» во многих случаях влечет за собой административную и уголовную ответственность.

Под «языком вражды» мы понимаем совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости. Данное определение демонстрирует сложность «языка вражды» не только как лингвистического, но и как социального явления, которое, как и любой другой общественный феномен, имеет определенные предпосылки для своего возникновения и функционирования, в том числе политико-правовые (данные факторы объединены в одну группу, так как сама сущность права как регулятора общественных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г19М-127.

отношений связывает его не только с государственными институтами, но и с политическим процессом, а граждане оценивают деятельность государства скорее не из чисто правовой, а *политико-правовой* точки зрения, ориентируясь на соблюдение принципов равенства, свободы и справедливости [4, с. 336–337]).

К политико-правовым факторам функционирования «языка вражды» в современном обществе можно отнести зачастую лояльное отношение представителей власти к демонстрации того или иного вида дискриминации, выступления представителей власти, содержащие дискриминационные высказывания [5, с. 84–85], а также отсутствие юридических санкций за использование «языка вражды», что связано не только с незакрепленностью термина юридически, но и с отсутствием его общепринятой дефиниции и единой классификации языковых фактов, попадающих под данное определение. В связи с последним замечанием рассмотрим, какие общие смысловые доминанты и языковые элементы, касающиеся вербализации (а также иной манифестации) враждебности, закреплены в законодательных актах Республики Беларусь и ряда других государств. Для сопоставления были выбраны страны-соседи Беларуси, Германия и США.

Основная часть. В конституциях всех изучаемых государств так или иначе закреплено право на свободу слова, провозглашаемое в ст. 19 «Всеобщей декларации прав человека»: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [6]. Так, к примеру, в ст. 29.1 Конституции Российской Федерации «каждому гарантируется свобода мысли и слова» [7]; в ст. 34 Конституции Украины «каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений» [8]; ст. 99 Конституции Латвийской Республики гласит: «Каждый имеет право на свободу мысли, сознания и религиозных убеждений» [9]; ст. 33 Конституции Республики Беларусь: «Каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение» [10]; согласно Первой поправке к Конституции США «Конгресс не должен издавать никакого закона, <...> ограничивающего свободу слова или печати» [11] и др.

Однако вербальная артикуляция ненависти, способная вызвать конфликтную ситуацию, выходит за границы права на беспрепятственное выражение собственных мнений и идей. Данное положение раскрыто, например, в ст. 29.2 Конституции Российской Федерации, согласно которой «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [7]. Схожие ограничения представлены в конституциях других стран, даже если не подчеркивается вербальная составляющая разжигания того или иного вида вражды или розни, например, в ст. 25 Конституции Литовской Республики: «Свобода выражения убеждений и распространения информации несовместима с преступными действиями – разжиганием национальной, расовой, религиозной или социальной ненависти, насилия и дискриминации, с клеветой и дезинформацией» [12]; в ст. 5.2 Основного закона для Федеративной Республики Германия: «Эти права (право свободно выражать и распространять свое мнение в устном или письменном виде, а также при помощи иллюстраций, и право получать информацию из общедоступных источников – *E. B.*) ограничены положениями общих законов, законов о защите молодежи и права на достоинство личности» (перевод наш. – *E. B.*) [13]; в ст. 13 Конституции Республики Польша: «Запрещается существование политических партий и иных организаций <...>, программа или деятельность которых предполагает или допускает расовую и национальную ненависть <...>» [14]; в ст. 5 Конституции Республики Беларусь: «Запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, <...> ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды» [10] и др.

Помимо конституций, публичная вербализация (или иная манифестация) враждебности регулируется уголовными кодексами и другими законодательными актами всех рассматриваемых государств. В ходе анализа текстов нормативно-правовых актов (полный список проанализированных документов представлен в конце статьи) были выделены такие квалифицирующие смысловые доминанты («номинативы, являющиеся основными смысловыми идеями статей закона» [15, с. 223]), связанные с изучаемым феноменом, как «вражда», «рознь», «ненависть», «нетерпимость» и «дискриминация» (таблица 1).

Таблица 1. – Смысловые доминанты, связанные с проявлением враждебности, в законодательных актах рассматриваемых государств

Доминанта	Россия	Украина	Литва	Латвия	Польша	Германия	США	Беларусь
вражда	+	+	-	+	-	-	-	+
рознь	+	-	-	-	-	-	-	+
ненависть	+	+	+	+	+	+	+	-
нетерпимость	-	+	-	-	-	-	-	-
дискриминация	+	+	+	+	+	+	+	+

Как следует из таблицы 1, все смысловые доминанты одновременно не встречаются в законах ни одного государства. В нормативных правовых актах всех рассматриваемых государств представлена смысловая доминанта «дискриминация». Доминанта «ненависть» обнаружена в законодательных документах семи стран (все, кроме Беларуси), «вражда» – четырех, «рознь» – двух. Доминанта «нетерпимость» представлена только в законодательстве Украины.

Во многих уголовных кодексах и других нормативных правовых актах рассматриваемых государств встречаются схожие языковые элементы, определяющие конкретные действия, характеризующие выделенные выше смысловые доминанты или связанные с вербализацией враждебности прямо или косвенно. К таковым можно отнести лексемы «возбуждение», «разжигание», «побуждение», «призыв», «пропаганда», «агитация», «унижение», «оскорбление» и «клевета». Рассмотрим некоторые выдержки из законов вышеназванных государств.

В соответствии со ст. 136 УК Российской Федерации, уголовной ответственности подлежит «дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, совершенное лицом с использованием своего служебного положения»; со ст. 282 – «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» [16] (см. также закон «О противодействии экстремистской деятельности» [17]).

Схожую формулировку можно обнаружить в ст. 161 УК Украины, в которой наказуемыми признаются «умышленные действия, направленные на разжигание национальной, расовой либо религиозной вражды и ненависти, на унижение национальной чести и достоинства, или оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями, а также прямое либо косвенное ограничение прав или установление прямых либо косвенных привилегий граждан по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, инвалидности, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковым или другим признакам» [18].

Статьями 169 и 170 УК Литовской Республики предусматривается административная и уголовная ответственность для того, кто совершает действия с целью воспрепятствовать участию в политической, экономической, культурной, трудовой либо иной деятельности или ограничить права и свободы или публично издевается, унижает, возбуждает ненависть или побуждает к дискриминации относительно «группы людей либо относительно принадлежащего к ней лица из-за их пола, сексуальной ориентации, расы, национальности, языка, происхождения, социального положения, верования, убеждений либо взглядов» [19]. С 1 декабря 1998 г. в стране действует отдельный закон «О равных возможностях женщин и мужчин» [20].

Согласно ст. 71.2 УК Латвийской Республики наказуемыми признаются действия, совершенные на основании политической, расовой, национальной, этнической, культурной или гендерной принадлежности лица или группы лиц; согласно ст. 78 – действия, направленные на разжигание национальной, этнической, расовой или религиозной ненависти или вражды; согласно ст. 150 – действия, совершенные по признаку пола, возраста, инвалидности [21].

В УК Республики Польша представлены отдельные статьи о наказаниях за преступления по отношению «к группе лиц или отдельному лицу в связи с его принадлежностью к национальной, этнической, расовой, политической, религиозной группе или в связи с непринадлежностью к религиозной группе» (ст. 118, 119), за оскорбление религиозных чувств других лиц (ст. 196), за публичный призыв «к ненависти на почве национальных, этнических, расовых, религиозных различий либо в связи с неисповедованием религии» (ст. 256), а также за публичное оскорбление группы людей либо отдельного лица на тех же основаниях (ст. 257) [22].

Согласно ст. 130 УК Федеративной Республики Германия уголовному наказанию подвергается лицо, которое «разжигает ненависть против национальной, расовой, религиозной или этнической группы, части населения или отдельного лица из-за его принадлежности к указанной группе или части населения» (перевод наш. – Е. В.), призывает к насилию, посягает на человеческое достоинство, оскорбляет или подвергает клевете людей либо отдельное лицо на тех же основаниях [23]. С 18 августа 2006 г. в стране действует «Общий закон о равном обращении», запрещающий дискриминацию по таким признакам, как этническое происхождение, возраст, пол, сексуальная ориентация, инвалидность, религия или мировоззрение [24]. Кроме того, 1 октября 2017 г. в Германии вступил в силу закон «О защите прав пользователей в социальных сетях», дающий владельцам социальных сетей 24 часа на удаление контента, оскорбляющего чувства пользователей и провоцирующего конфликтную ситуацию [25].

Кодексом Соединенных Штатов Америки (сводная кодификация федерального законодательства США, издаваемая Управлением по законодательству Палаты представителей Конгресса США) устанав-

ливается уголовная ответственность за преступления на почве ненависти, совершенные на основании расы, религии, национального происхождения, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, гендерной идентичности или инвалидности (раздел 18, глава 13, параграф 249) [26].

В соответствии со ст. 130 УК Республики Беларусь, наказуемыми являются «умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности» [27]. В нескольких статьях встречается формулировка «по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы» [27]. Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за «распространение информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность, а равно изготовление, хранение или перевозка с целью распространения такой информационной продукции, если в этих деяниях нет состава преступления» (ст. 17.11) [28] (см. также закон «О противодействии экстремизму» [29]). Оскорбление чести и достоинства личности регулируется УК Республики Беларусь, согласно ст. 189 которого уголовно наказуемым является «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме (оскорбление), совершенное в течение года после наложения мер административного взыскания за оскорбление или клевету» [27], и Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, ст. 9.3 которого предусматривает административную ответственность за «оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме» [28].

Как видно из представленных выше примеров, выделенные смысловые доминанты ввиду специфики изучаемого феномена напрямую связаны с такими понятиями, как равенство и равноправие (принцип равенства закреплен во всех конституциях). В связи с этим в ходе анализа документов был также выделен ряд языковых элементов, имеющих атрибутивный характер и так или иначе определяющих не только доминанты «вражда», «рознь», «ненависть» и «дискриминация», но и доминанту «равенство». Выявленные атрибутивные языковые элементы представлены в таблице 2 (в таблице для удобства представлены существительные и именные словосочетания, однако в формулировках законов могли быть использованы прилагательные).

Таблица 2. – Атрибутивные языковые элементы, определяющие смысловые доминанты «вражда», «рознь», «ненависть», «дискриминация», «нетерпимость» и «равенство»

Атрибутивный языковой элемент	Беларусь	Россия	Украина	Литва	Латвия	Польша	Германия	США
возраст	-	-	-	-	+	-	+	-
гендерная идентичность	-	-	-	-	-	-	-	+
должностное положение (социальный статус)	+	+	-	+	-	-	-	-
идеологические убеждения	+	+	-	-	-	-	-	-
имущественное состояние (положение)	+	+	+	-	-	+	-	-
инвалидность	-	-	+	-	+	-	+	+
культура	-	-	-	+	+	+	-	-
место жительства	+	+	+	-	-	-	-	-
национальность	+	+	+	+	+	+	+	+
пол / гендер	+	+	+	+	+	+	+	+
политические убеждения	+	+	+	-	+	+	+	-
принадлежность к общественным объединениям	+	+	-	-	-	-	-	-
происхождение	+	+	+	+	-	+	+	+
раса	+	+	+	+	+	+	+	+
религия / вера / вероисповедание / мировоззрение	+	+	+	+	+	+	+	+
сексуальная ориентация	-	-	-	+	-	-	+	+
социальная принадлежность	+	+	+	+	-	+	-	-
цвет кожи	-	-	+	-	-	-	-	+
этнос	+	+	+	+	+	+	+	+
язык	+	+	+	+	-	+	+	-

Как следует из таблицы 2, в проанализированных нормативных правовых актах всех рассматриваемых государств встречаются такие атрибутивные языковые элементы, как «национальность» («нацио-

нальный»), «пол» («половой») / «гендер» («гендерный»), «раса» («расовый»), «религия» («религиозный») / «вера» / «вероисповедание» / «мировоззрение» и «этнос» («этнический»). Достаточно часто встречаются элементы «происхождение» (7 стран), «политические убеждения» («политический»), «язык» («языковой») (по 6 стран) и «социальная принадлежность» («социальный») (5 стран). Реже – элементы «имущественное состояние (положение)» и «инвалидность» (4 страны), «должностное положение» («социальный статус»), «культура» («культурный»), «место жительства» и «сексуальная ориентация» (3 страны). Наиболее редко упоминаются такие элементы, как «идеологические убеждения» («идеологический»), «принадлежность к общественным объединениям», «цвет кожи», «возраст» (по 2 страны). Формулировка «гендерная идентичность» встретилась только в законодательстве США.

Необходимо отметить, что проведенный анализ, хотя и базировался на ключевых для понимания изучаемого явления документах, все же не охватывает всего разнообразия законодательных актов каждого государства. В связи с этим не исключается, что в иных нормативно-правовых актах содержатся другие атрибутивные языковые элементы, определяющие данные смысловые доминанты (см., например, обзор законодательства о равенстве в Латвии в [30]).

Заключение. В настоящее время «язык вражды» представляет собой серьезную социальную, политическую и правовую проблему. Термин является относительно новым и в большинстве стран не закреплен законодательно, однако публичное использование элементов «языка вражды» во многих случаях влечет за собой административную и уголовную ответственность.

В результате обзора нормативных правовых документов Республики Беларусь, Латвийской Республики, Литовской Республики, Российской Федерации, Республики Польша, Украины, Федеративной Республики Германия и Соединенных Штатов Америки с точки зрения упоминания в них вербализации или иной манифестации враждебности были выделены квалифицирующие языковые доминанты «вражда», «рознь», «ненависть», «нетерпимость» и «дискриминация», из которых чаще всего в законодательстве рассматриваемых государств встречаются доминанты «дискриминация» и «ненависть».

К языковым элементам, определяющим конкретные действия, характеризующие выделенные смысловые доминанты или связанные с вербализацией враждебности прямо или косвенно, относятся лексемы «возбуждение», «разжигание», «побуждение», «призыв», «пропаганда», «агитация», «унижение», «оскорбление» и «клевета».

Наиболее часто используемые языковые элементы, определяющие смысловые доминанты «вражда», «рознь», «ненависть», «нетерпимость», «дискриминация» и «равенство», – «национальность» («национальный»), «пол» («половой») / «гендер» («гендерный»), «раса» («расовый»), «религия» («религиозный») / «вера» / «вероисповедание» / «мировоззрение», «этнос» («этнический») и «происхождение». Наиболее редко упоминаются такие элементы, как «идеологические убеждения» («идеологический»), «принадлежность к общественным объединениям», «цвет кожи», «возраст» и «гендерная идентичность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сычев, А. А. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) / А. А. Сычев, Е. А. Коваль, Н. В. Жадунова // Регионология. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 798–815.
2. Василенко, Е. Н. «Язык вражды»: к определению термина / Е. Н. Василенко // Романовские чтения – 13 : сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ им. А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 окт. 2018 г. / Могил. гос. ун-т ; под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев, 2019. – С. 126–127.
3. Общеполитическая рекомендация № 15 «О борьбе с языком ненависти» [Электронный ресурс] : принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 декабря 2015 г.. – Страсбург, 2016. – 75 с.
4. Антанович, Н. А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе / Н. А. Антанович // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность: материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 29 сент. 2006 г. / НАН Беларуси. – Минск, 2006. – С. 332–337.
5. Дзялошинский, И. М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы / И. М. Дзялошинский // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет / И.М. Дзялошинский, М.И. Дзялошинская. – М. : Моск. бюро по правам человека, “Academia”, 2007. – С. 66–88.
6. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 нояб. 1948 г. // Сайт Организации объединенных наций Беларусь. – Минск, 2019.
7. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 30 дек. 2008 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
8. Конституция Украины [Электронный ресурс] : принята Верх. Радой Украины 28 июня 1996 г. : с изм. от 01 февр. 2011 г. // Сайт Верховной Рады Украины. – Киев, 2019.
9. Конституция Латвийской Республики [Электронный ресурс] : принята Учредит. собранием 15 февраля 1922 г. : в ред. закона от 19 июня 2014 г. // Канцелярия Президента Латвии. – Рига, 2019.
10. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты : пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский ; под ред. и вступ. ст. : О. А. Жидков. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – С. 12–25.

12. Конституция Литовской Республики [Электронный ресурс] : принята на референдуме 25 окт. 1992 г. : с изм. и доп. от 25 апр. 2006 г. ; пер. с лит. // World Intellectual Property Organization. – Geneva, 2019.
13. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Elektronische Ressource] : Ausfertigungsdatum 23. Mai 1949 : zuletzt geändert 28 März 2019 // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – Berlin, 2019.
14. Конституция Республики Польша [Электронный ресурс] : принята Нац. Собр. Респ. Польша 2 апр. 1997 г. // Канцелярия Сейма Республики Польша. – Варшава, 1997.
15. Денисова, А. В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды» / А. В. Денисова // Юрислингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 221–227.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 17 июня 2019 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
17. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ : в ред. Федер. закона от 23.11.2015 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2015.
18. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 5 апр. 2001 г., № 2341-III : принят Верх. Радой Украины 5 апр. 2001 г. ; с изм. и доп. от 06 июня 2019 г. ; пер. с укр. / Информационная система «ПАРАГРАФ». – Алматы, 2019.
19. Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс] : 26 сент. 2000 г., VIII-1968 : принят Сеймом Лит. Респ. 26 сент. 2000 г. ; пер. с лит. / Федер. прав. портал «Юридическая Россия». – Санкт-Петербург, 2007.
20. О равных возможностях женщин и мужчин [Электронный ресурс] : закон Респ. Литва, 1 дек. 1998 г., VIII-947 : принят Сеймом Лит. Респ. 1 дек. 1998 г. ; с изм. и доп. от 19 июня 2008 ; пер. с лит. // Канцелярия Сейма Литовской Республики. – Вильнюс, 2019.
21. Krimināllikums [Elektroniskais resurss] : 17. jūnijā 1998. g. : Saeimā pieņemts 17. jūnijā 1998. g. : ar grozījumiem 20 jūnijā 2019. g. / Oficiālais izdevējs "Latvijas Vēstnesis". – Rīga, 2019.
22. Уголовный кодекс Республики Польша : принят Сенатом Респ. Польша 6 июня 1997 г. ; с изм. и доп. по сост. на 1 мая 2001 г. / науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова ; пер. с польск. Д. А. Барилевич. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2011. – 234 с.
23. Strafgesetzbuch (StGB) [Elektronische Ressource] : Ausfertigungsdatum 15. Mai 1871 ; neugefasst 13. Nov. 1998 ; zuletzt geändert 19. Juni 2019 // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – Berlin, 2019.
24. Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz (AGG) [Elektronische Ressource] : Ausfertigungsdatum 14. Aug. 2006 ; zuletzt geändert 3. Apr. 2013 // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – Berlin, 2019.
25. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG) [Elektronische Ressource] : Ausfertigungsdatum 01. Sept. 2017 // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – Berlin, 2019.
26. U. S. Code [Electronic resource] / Legal Information Institute. – Mode of access: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text>. – Date of access: 05.06.2019.
27. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
28. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09 янв. 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
29. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-3 : с изм. и доп. от 20 апр. 2016 г. № 358-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
30. Dimitrovs, A. Equality Law in Latvia: Current Trends and Challenges / A. Dimitrovs // The Equal Rights Review. – 2012. – № 9. – P. 11–23.

Поступила 07.08.2019

LINGUISTIC ASPECT OF THE LEGAL STATUS OF HATE SPEECH

E. VASILENKO

The article substantiates the need to study hate speech from the point of view of jurisprudence, proposes a definition of the term “hate speech”, discusses the linguistic features of its legal status based on the material of the legal acts of the Republic of Belarus, the Republic of Latvia, the Republic of Lithuania, the Russian Federation, the Republic of Poland, Ukraine, the Federal Republic of Germany and the United States of America. Qualifying semantic dominants directly related to verbalization or another kind of manifestation of hostility are identified based on the analysis of the constitutions, criminal codes and other legislative documents of the aforementioned countries. Language elements describing concrete actions that characterize the selected semantic dominants or are directly or indirectly related to the manifestation of hostility are singled out. The attributive linguistic elements that define the given semantic dominants are determined.

Keywords: hate speech, legal status of hate speech, hostility, semantic dominant, legal act.